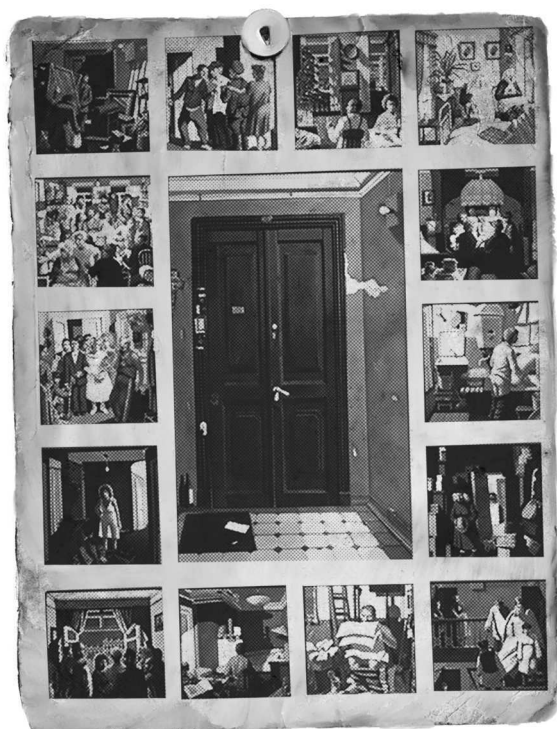

Жанна Вишневская

КОММУНАЛЬНЫЕ КОНФОРКИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В55

Дизайн обложки и оформление макета книги:
Юлия Межова

В оформлении обложки использована работа
Михаила Иофина

Вишневская, Жанна Юрьевна.
В55 Коммунальные конфорки: [роман] / Жанна Вишневская. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 288 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-146493-6

Эта добрая, ироничная и немного грустная книга вернет читателей в коммунальные квартиры Питера шестидесятых-семидесятых годов прошлого столетия.

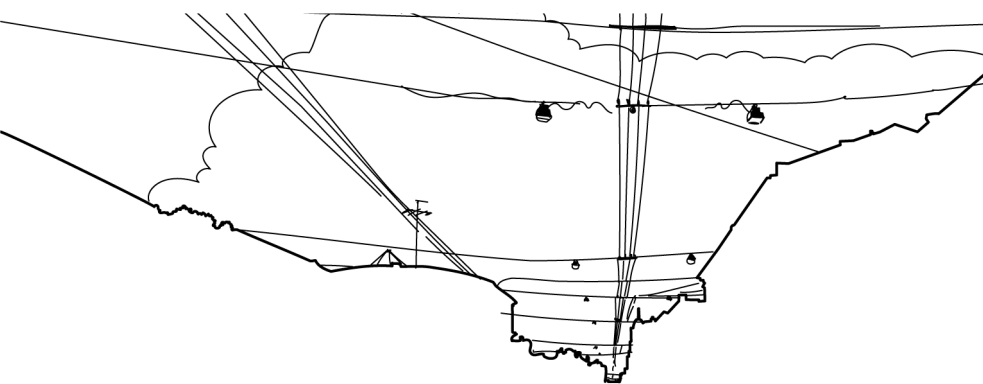
За старыми дверями справляются дни рождения, человеческие и собачьи свадьбы, жители ссорятся, мирятся, делятся сплетнями и рецептами на общих кухнях. Соседи приезжают и уезжают, отправляются в отпуск и, к сожалению, даже умирают.

Книга посвящена любимому городу и моей семье, от которой остались одни воспоминания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-146493-6

© Жанна Вишневская, текст, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

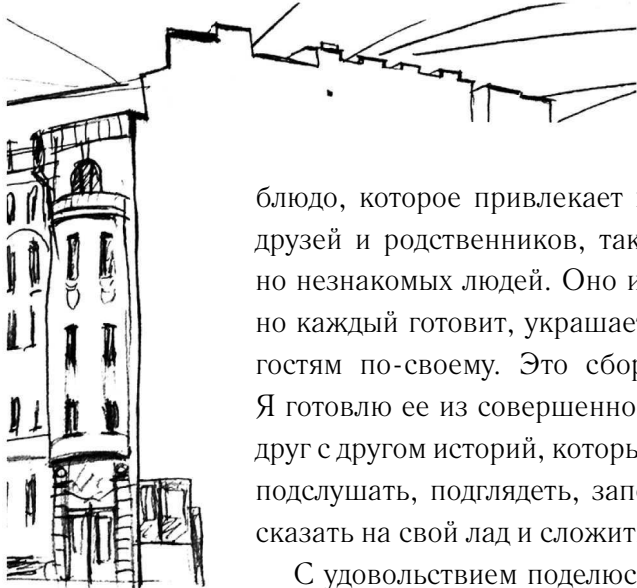

ПРЕДИСЛОВИЕ

После всех скитаний по городам и странам у меня сохранилось очень немного дорогих сердцу мелочей, напоминающих о детстве, о любимом городе и о семье, в которой мне посчастливилось родиться и вырасти.

Одна из таких реликвий — мамина тетрадка, куда она и бабушка записывали рецепты и вклеивали вырезки из газет и журналов с разными полезными советами по домоводству.

Как и любая радушная хозяйка, я люблю накрыть богатый стол, экспериментировать с продуктами и специями, чтобы удивить и порадовать гостей. Я не претендую на лавры Елены Молоховец, автора одной из первых кулинарных книг, но и у меня есть фирменное

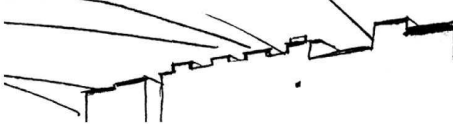
блюдо, которое привлекает на огонек как друзей и родственников, так и совершенно незнакомых людей. Оно известно всем, но каждый готовит, украшает и подает его гостям по-своему. Это сборная солянка. Я готовлю ее из совершенно не связанных друг с другом историй, которые мне удалось подслушать, подглядеть, запомнить, пересказать на свой лад и сложить вместе.

С удовольствием поделюсь этим рецептом.

Сначала размораживаете память. Тут надо запастись терпением и деликатностью. Нельзя торопиться — грубо откалывая и отбрасывая годы, можно в спешке потерять самое важное и дорогое, и солянка выйдет пресной, безвкусной. Медленно согревайте память теплотой своего сердца, перебирая старые фотографии, письма, семейные реликвии.

Затем в кастрюлю с размороженной памятью добавляете до краев любви, немного слез от болезней и утрат, горечь поражений, остроту чувства юмора, большую пригоршню доброты. Тщательно перемешиваете, доводите до готовности, разливаете по главам и предлагаете читателям.

Каждый воспримет книгу по-разному. У кого-то уже первая глава вызовет изжо-

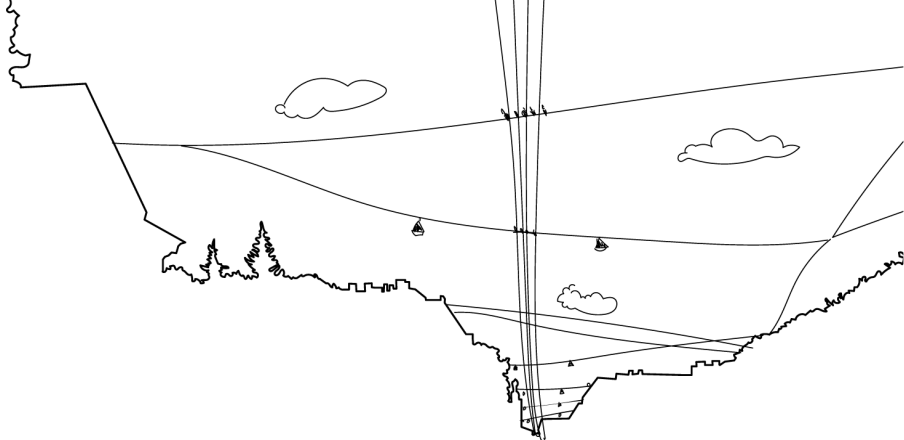
гу и несварение желудка, и он безгласно выбросит остатки на помойку, другой проглотит целиком, даже не разобрав вкуса, а кто-то будет смаковать, тщательно разжевывая, и попросит добавки.

Надеюсь, что в этой книге собраны главы на любой вкус.

Поэтому я и назвала книгу «Коммунальные конфорки».

Приятного аппетита! То есть, простите, увлекательного чтения!

ПРОЛОГ

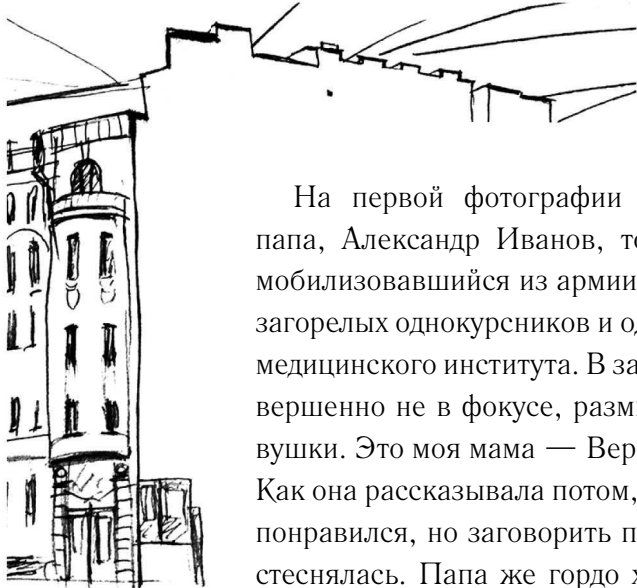
Мои детские воспоминания похожи на банку засахарившегося варенья, закрытую пергаментной бумагой и перетянутую на горлышке суровой ниткой.

Бабушка хранила такие банки в стеклянном шкафу со странным названием «Хельга». Я разрывал веревку, потом, если позволяла длина, опять затягивал на ней узел. По количеству узелков можно было определить количество попыток. Свежее варенье выливалось легко, оставляя предательские капли на одежде, лице и даже полу. Засахарившееся надо было добывать ложкой или просто горстью, зато после него дольше оставалось сладкое послевкусие. Иногда варенье в банке прокисало или покрывалось плесенью, но все равно оставалось вареньем.

Так и память детства. Она, бывает, горчит, как стручки акации, из которых мы вынимали семечки и свистели так, что нас гоняли соседи, бывает с кислинкой, как цветок сирени из пяти лепестков, который мы жевали на счастье, бывает, вяжет рот, как ягоды черноплодной рябины, или быстро набивает оскомину, как кислая недозревшая вишня. И все-таки воспоминания остаются по-прежнему сладкими и теплыми, как липкие детские ладошки, следы которых так и не стерлись с зеленой бархатной обложки альбома с фотографиями, сохранившегося у меня с тех пор, когда наша семья жила в Ленинграде на улице Воинова, ныне Шпалерной.

Фотографии аккуратно вложены в специальные надрезы на страницах. Некоторые уголки оторвались, и снимки выпадают, оставляя блеклые пятна на страницах альбома, как пробелы в памяти, не позволяющие связать события и людей из моего далекого детства.

Этот альбом посвящен мне, начали его собирать мама, папа, бабушки и дедушки. Перебирать старые фотографии — это как просеивать солнце сквозь пальцы, как нюхать черемуху или сирень после дождя, как слизывать с ладони капли растаявшего пломбира.

На первой фотографии мой молодой папа, Александр Иванов, только что демобилизовавшийся из армии, в окружении загорелых однокурсников и однокурсниц из медицинского института. В заднем ряду, совершенно не в фокусе, размытое лицо девушки. Это моя мама — Верочка Липшиц. Как она рассказывала потом, папа ей сразу понравился, но заговорить первой она постеснялась. Папа же гордо хвастался, что первый подошел к маме под предлогом того, что она знала много запоминалок по анатомии. Поскольку устные запоминалки были только по анатомии, то по физиологии они довольно быстро перешли к практическим занятиям, да так успешно, что папе пришлось срочно, пока последствия занятий не стали видны, просить маминой руки у ее родителей и моих будущих ленинградских дедушки Миши и бабушки Гени, но в такие подробности в разговорах со мной не вдавались.

Дедушка Миша, боевой офицер, полный кавалер ордена Славы, кавалер ордена Красной Звезды, хоть и охотно выпил с папой водки под бабушкину закуску, но согласия сразу не дал. Пришлось подключиться мамину брату Сене и провести работу с дедушкой: мол, времена уже другие и буду-

щий врач Саша Иванов прекрасно впишется в семью Липшицев. Тем более непонятно, кто тут выиграет, а кто проиграет: папа, который женитьбой на еврейке поставит большой жирный крест на партийной карьере, успешно начатой в армии, или мама, которой брак с русским слегка подправит пресловутый пятый пункт. Опять-таки, мои бабушка с дедушкой по папиной линии были медиками, значит, семья интеллигентная, что тоже немаловажно. Жили они в Риге: деда Осип работал хирургом в Рижском госпитале, а бабушка Серафима — там же медсестрой. Оба прошли войну от первого до последнего дня, что уж для деда Миши совсем святым было. Выслушав все аргументы и понаблюдав за утренними приступами тошноты у еврейской дочери, бабушка и дедушка согласились на русского зятя и ни разу об этом не пожалели.

Следующая фотография, датированная двадцать девятым июля, сделана в ЗАГСе на Петра Лаврова, ныне Фурштатской. Родители поженились в День Военно-Морского Флота. В силу известных обстоятельств надо было поторапливаться. Папа потом хвастался, мол, регистраторшу убедил назначить церемонию на этот день тот факт, что жених служил на флоте. Хотя,

ПРОЛОГ.

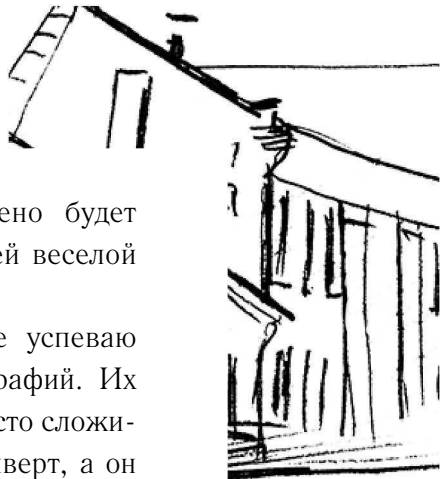

наверное, больше способствовали двадцать пять рублей, переданные через знакомых заведующему дворцом бракосочетания.

На маме модное белое платье колоколом, в руках тяжелый букет гладиолусов. Немного растерянный папа поддерживает ее под руку. Рядом бабушки, дедушки, мамин брат Сеня с очередной пассией, имя которой он потом сам не мог вспомнить, бесконечная череда друзей, близких, дедушкиных однополчан. Родственник по дедушкиной линии, а также друг и сосед дядя Моня одной рукой держит за шкуру моего двоюродного брата Гришку, который, судя по зареванному виду, уже успел за что-то огрести очередной подзатыльник.

Дальше фотографии свадебного застолья, справлявшегося по традиции дома, в комнате на Воинова.

С высоты четырехметровых потолков вниз смотрят лепные ангелочки. Они пока еще совсем одинаковые. Только через несколько лет струя скисшего черноплодного вина ударит, как из брандспойта, в одного из них, окрасив не только его лицо, но и душу в сивушные тона, за что он и будет прозван падшим ангелом. Однако именно ему, а не его чистым душой и телом, но

безучастным собратьям, суждено будет стать хранителем историй нашей веселой и дружной семьи.

Перевернув страницу, я еле успеваю подхватить целый ворох фотографий. Их так много, что, наверное, их просто сложили в коричневый бумажный конверт, а он разошелся по швам, как старое платье, и снимки веером посыпались на стол. Один, медленно вращаясь, как кленовый лист, переворачивается и ложится на пол оборотной стороной вверх. На нем дата — седьмое июля. День моего рождения. Бабушка Серафима и дед Осип узнали о событии у себя дома, в Риге. Это потом они приехали на Воинова, чтобы ревниво вырывать друг у друга беззаветно любимое орущее чадо. А пока они на фотографии радостно чокаются бокалами с шампанским в честь появления на свет первого и, как оказалось, единственного внука.

А дальше, как листки календаря, мелькают лица и события: Рига, Рижское взморье, куда меня привозили на лето. Я, как детскую считалку, повторяю: Дзинтари, Майори, Дубулты и, наконец, Яундубулты — место, где мы с моей дальней родственницей и самой близкой подругой детства Любашей сначала познакомились со

старым Паулем и его двумя собаками, а потом умудрились потеряться в лесу, да так, что нас еле отыскивали поднятые по тревоге части Прибалтийского военного округа и местная милиция.

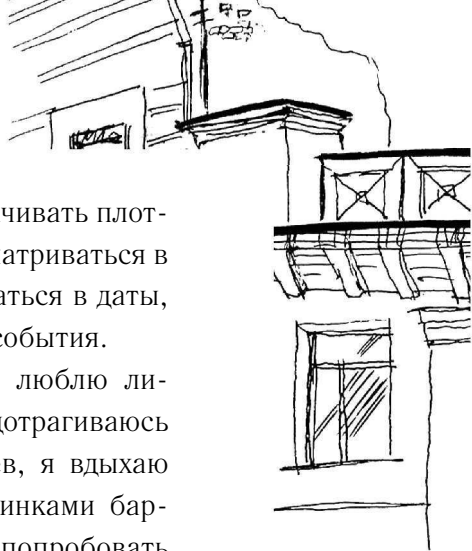
Много снимков любимого папой моря. Вот мы на берегу одесского лимана: в Очакове и в самой Одессе на фоне Дюка Ришелье и черной «Волги» дедушкиного знакомого, полковника Купатадзе. Вечно пьяный Васька Водолаз и его жена Клавочка, у которых мы снимали комнату в Очакове. Шумная торговка рыбой Песя Золотая Рыбка, обвешанная дешевым золотом, как цыганка с Привоза.

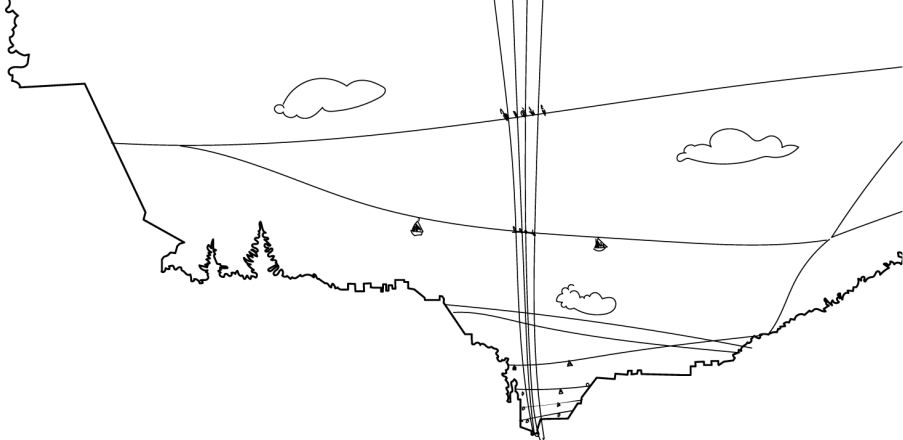
Ну и конечно, бесконечная череда ленинградских снимков. Улица Воинова, наша парадная, дворник Расул, опирающийся на дежурную метлу, у его ноги трется верная Двойра-Ханум, приبلудная дворняжка, пригретая татаринком-дворником, но получившая еврейское имя за вечно печальные глаза. На заднем плане мальчишки играют в ножички во дворе-колодце.

Почему-то среди фотографий вдруг попадается игральная карта, как напоминание о Сестрорецке, где мы снимали дачу и где я от восхода до заката искал приключений на свою голову вместе с Любашей и Гришкой.

Можно без конца переворачивать плотные альбомные страницы, всматриваться в родные до боли лица, вчитываться в даты, вспоминая связанные с ними события.

Для остроты ощущений я люблю листать альбом перед сном. Я дотрагиваюсь до детства кончиками пальцев, я вдыхаю его вместе с пыльными ворсинками бархатной обложки, я даже могу попробовать его на язык, облизнув обратную сторону отклеившейся марки с новогодней открытки, которую прислали рижские бабушка и дедушка. От этого по всему телу разливается приятное убаюкивающее тепло, как будто меня в зимнюю морозную ночь укрыли пуховым одеялом. Это состояние между сном и явью, когда ты еще бодрствуешь, а какая-то часть тебя уже находится другом пространстве и времени — там, где ты был безмерно любим и счастлив. Веки наливаются тяжестью, стены и мебель вокруг начинают расплываться, постепенно стираются грани между настоящим и прошлым, и через густую пелену сонного марева все отчетливее проступают лица тех, кого уже давно нет с нами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неожиданные последствия пробытия папы в застенках КВД

Несмотря на то что я был единственным и беззаветно любимым сыном и внуком, излишней опекой взрослые мне не докучали. Даже бабушки и дедушки с определенного возраста позволяли мне гулять с друзьями с утра и до упаду, справедливо полагая, что это исключительно полезно для здоровья. Так что мальчик я был без комплексов, довольно боевой, умел за себя постоять и за словом в карман не лез. Сколько бабушка с мамой на дедушку и папу ни цыкали, голова моя была полна емких или, в дедушкиной интерпретации, ебких выражений, которые я, естественно, употреблял в самый неподходящий момент.

Я сам до сих пор не понимаю, делал ли я это по наивности или из мелкого хулиганства, ожидая бурной реакции взрослых. Дедушка Миша не знал удержу ни в радости, ни в гневе. Он хохотал до слез, если ему было смешно, и крушил все на своем пути, если его всерьез злили или обижали близких ему людей.

Семья у нас была достаточно простая, рабочая, постоять за себя могли все, включая даже маму, а уж про ее старшего брата Сеню и говорить нечего — он вообще драться научился прежде, чем ходить. Бабушка Геня рассказывала, что он терпеть не мог кашу и выбивал у нее из рук тарелку еще в бессознательном возрасте. Вслед за тарелкой последовали разбитые стекла в парадных и школьные окна. А уж про драки и говорить нечего: фингалов под глазами и даже сломанных костей было без счета по обе стороны баррикад. Зато никто и никогда не обижал его по национальному вопросу.

Только раз его обозвали жидовской мордой. В ответ Сеня так въехал обидчику по физиономии, что, невзирая на все старания травматолога, нос у того остался с характерной горбинкой, превратив абсолютно русского, но чернявого и смуглого от